

УДК 343.82 (476)

Сергей Николаевич Чайкин

канд. ист. наук, преподаватель каф. правовых дисциплин

Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Sergey Chaikin

candidate of History, lecturer in the Department of Legal Disciplines

of Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

e-mail: chaikina9@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. – 1870-х гг.

На основе изучения архивных данных исследуется процесс организации трудовой деятельности заключенных в тюрьмах на белорусских землях во второй четверти XIX в. – 1870-х гг.. Оценивается значение в развитии труда осужденных региональных подразделений общероссийской благотворительной организации – «Общества попечительного о тюрьмах». Исследуются основные направления организации труда заключенных на белорусских землях до тюремной реформы 1879 г. – осуществление работ в тюремных мастерских, а также работ, которые выполняли осужденные за пределами тюрем. Определяются причины, сдерживавшие развитие труда заключенных в тюрьмах.

Ключевые слова: Российская империя, белорусские земли, места лишения свободы, смотритель тюремного замка, арестантские работы, тюремные мастерские, «Общество попечительное о тюрьмах».

Organization of Work Activities of Prisoners in Prisons on Belarusian Lands in the Second Quarter of XIX Century – 1870s

Based on the study of archival data, the process of organizing prisoners' labor in prisons on Belarusian lands in the second quarter of the XIX century – 1870s is investigated. The importance of the all-Russian charity organization is assessed – «Prison Guardianship Society» in the development of the work of convicted. The main directions of organizing the work of prisoners on Belarusian lands before the prison reform of 1879 are examined – the implementation of work in prison workshops, as well as work performed by convicts outside prisons, and the reasons that restrained the development of the work of prisoners in prisons are determined.

Key words: the Russian Empire, the Belarusian lands, the prison system, a warder of a prison castle, the prisoners works, the prison workshops, the «Prison Guardianship Society».

Введение

Трудовая деятельность заключенных получила законодательное и организационное оформление, а также практическое развитие после тюремной реформы 1879 г. Вместе с тем начало регламентации пенитенциарным законодательством труда осужденных и первый опыт организации «арестантских работ» в Российской империи отмечены во второй четверти XIX в. – 1870-х гг. Организации трудовой деятельности заключенных в тюрьмах Российской империи со второй четверти до конца XIX в. были посвящены работы российских ученых как начала XX в. (С. К. Гогеля, Н. Ф. Лучинского, В. Н. Никитина, С. В. Познышева, Я. И. Фойницкого), так и современных (М. Г. Деткова, А. Г. Лисина, И. В. Упорова). Проблеме организации трудовой деятельности заключенных в Гродненской тюрьме была посвящена работа белорусского исследователя В. М. Лисицына. Однако комплексных ис-

следований процесса привлечения осужденных к труду на белорусских землях со второй четверти до конца XIX в. не проводилось.

Основная часть

Становление пенитенциарной системы на землях Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. наряду с обеспечением в местах лишения свободы соответствующих режимов отбывания наказания сопровождалось организацией привлечения заключенных к труду, или, по определению правовых актов того времени, «к арестантским работам». До конца XVIII в. труд осужденных являлся составной частью карательной политики государства и предназначался лишь для извлечения из него экономической выгоды. С начала XIX в. под влиянием научных идей и практического развития пенитенциарных систем стран Западной Европы основной целью привлечения осужденных к труду в Российской им-

перии впервые было определено исправление заключенных и приобщение их к законопослушному образу жизни после освобождения.

Юридически эта цель была определена учрежденной 19 июля 1819 г. негосударственной общероссийской благотворительной организацией – «Обществом попечительным о тюрьмах» (далее – «Общество»), которой с начала XIX в. была передана часть функций по управлению местами лишения свободы. В учредительном документе «Общества» – «Правилах для попечительного общества о тюрьмах» – отмечалось, что «обращение тюрем в дома работы есть великое средство к исправлению», поскольку именно праздность бывает «причиной большей части преступлений, соделываемых низшим классом людей» [1, с. 310]. Во второй четверти XIX в. необходимость привлечения осужденных к труду для их исправления, а также основы организации арестантских работ были определены и пенитенциарным законодательством Российской империи.

В отличие от большинства губерний Российской империи, где со второй четверти XIX в. были учреждены рабочие дома и арестантские роты гражданского ведомства, в которых наряду с тюрьмами осужденные также привлекались к труду, на белорусских землях система этих мест заключения создана не была. Исправительные арестантские отделения в регионе до открытия в 1908 г. Ошмянского исправительного отделения также не функционировали. В то же время в арестных домах, система которых на землях Беларуси была образована в конце XIX в., в соответствии с законом «О временных правилах, касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судов», «занятие арестантов работами» предусматривалось «лишь по их собственному желанию» [2, с. 878]. Поэтому со второй четверти XIX до начала XX в. развитие «арестантских работ» на белорусских землях происходило в тюрьмах.

Основы организации тюремного труда были регламентированы пенитенциарным законодательством начала 1830-х гг. «Инструкция смотрителю губернского тюремного замка» определяла цели привлечения осужденных к труду – «приучение их к порядку, подчиненности и повиновению,

дабы по возвращению в общество сделались они полезными сами себе и семействам своим и клонились бы к исправлению нравственности и привычке трудиться» [3, л. 16]. Для улучшения производительности труда заключенных «Инструкция» предписывала назначать осужденным работы с учетом их пола, возраста, физического состояния и «ремесла, к которому они были способны».

Определение видов работ осуществлялось по сословной принадлежности осужденных. Для «чиновных лиц» предусматривалось лишь «клеение пакетов, картонок и других общеупотребительных вещей», а для основного состава «арестантов простых сословий» был предусмотрен обширный перечень рекомендуемых работ, в качестве которых определялись «портное, сапожное, столярное, слесарное и токарное мастерство, плотничные и земляные работы, пиление досок, шлифование камня, рубка дров, плетение канатов, корзин и лаптей, трепание пеньки, шерсти и льна, а также занятия по содержанию чистоты во дворах» [3, л. 16–17].

Для стимулирования труда осужденных им начислялась заработная плата в размере двух третей от суммы, полученной от выполняемых работ. При этом одну половину этой суммы заключенному разрешалось использовать на собственные нужды при отбывании им наказания, а вторая половина этих денег выдавалась ему после освобождения. Для развития «арестантских работ» треть от суммы заработанных осужденными денежных средств поступала в распоряжение смотрителя тюремного замка «для покупки инструментов, материалов и на содержание работ» [3, л. 17]. С целью предотвращения злоупотреблений при привлечении осужденных к работам «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1832 г. «начальникам, в ведомстве коим состоят арестанты» запрещал «употреблять их в работы для собственной своей пользы, в противном случае они подвергались взысканиям» [4, с. 379].

Однако, несмотря на правовую регламентацию «арестантских работ», незначительная роль тюремного заключения в системе уголовных наказаний Российской империи, получение государством экономической выгоды за счет использования труда осужденных к каторжным работам и содержание в тюрьмах значительного количества

подследственных, не подлежавших привлечению к труду, обусловили отсутствие в пенитенциарном законодательстве 1830-х гг. определения труда осужденных к тюремному заключению в качестве обязательного, а также определения продолжительности рабочего времени для осужденных и порядка поступления заработанных ими денежных средств в государственную казну. В результате распространенным явлением при организации труда заключенных в тюрьмах Российской империи стало привлечение осужденных к труду лишь по собственному их желанию [5, с. 17].

Сдерживалось развитие труда заключенных и отсутствием в Министерстве внутренних дел структурных подразделений, предназначенных для осуществления централизованного руководства «арестантскими работами». Не были предусмотрены функции по организации труда заключенных и на местном уровне, в первую очередь губернаторами. В качестве направления деятельности тюрем, которая подлежала обязательному руководству и контролю со стороны губернаторов, регламентировавшим их деятельность «Общим наказом гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. организации труда осужденных не определялась. Обязанность непосредственной организации «арестантских работ» возлагалась на смотрителей тюремных замков, которые при отсутствии в штате тюремной администрации служащих, ответственных за это направление деятельности, не могли обеспечить качественного привлечения осужденных к труду.

В условиях несовершенства системы управления тюрьмами, не позволявшей организовать в них качественного осуществления «арестантских работ», со второй четверти XIX в. к организации труда осужденных были привлечены структурные подразделения – губернские комитеты и уездные отделения «Общества». Как отмечалось в ведомственных циркулярах, «нравственное исправление арестантов есть не только обязанность тюремного начальства, но и Попечительских комитетов, которые должны стараться, чтобы арестанты были заняты работами» [6, л. 2]. Это положение вошло в учрежденный 7 ноября 1851 г. Устав «Общества», в соответствии с которым «особенной заботливости комитетов и отделений

Общества» подлежало «занятие арестантов приличными их званию, полу и возрасту работами и разными рукоделиями за вознаграждение» [7, с. 101].

Со второй четверти XIX в. на белорусских землях комитеты «Общества» начали развитие «внешних арестантских работ», в основном сельскохозяйственных, производимых заключенными за пределами тюрем, для чего в аренду были взяты расположенные возле Витебской и Минской тюрем участки земли, на которых осужденные занимались огородничеством [8, л. 23; 9, с. 572]. К работам на тюремном огороде привлекались и заключенные Гродненской тюрьмы [10, с. 105]. Выводились осужденные и на другие работы. Например, с середины XIX в. Минским комитетом «Общества» были организованы работы осужденных по насыпке земляных валов вокруг кладбищ и ремонту мостовых, а Гродненским комитетом – подсобные работы при строительстве общественных зданий, работы по заготовке дров для частных лиц и по уборке городских улиц [11, с. 10; 10, с. 124–125]. Работы заключенных по очистке городских площадей, дворов и улиц проводились и в некоторых уездных тюрьмах [12, л. 2].

Осуществлялось комитетами «Общества» и развитие труда заключенных в тюремных мастерских. Для этого на средства губернских комитетов в тюрьмах Российской империи были организованы работы по изготовлению и ремонту «арестантской» одежды и обуви, производству сукна и холста, плетению лаптей и веревок, изготовлению мешков [9, с. 572].

В губернских тюрьмах на белорусских землях в основном осуществлялись помол муки на ручных мельницах, выпечка хлеба, а также починка одежды и обуви для заключенных [11, с. 18–19; 10, с. 123; 13, л. 6]. Иногда комитеты «Общества» организовывали и другие виды работ. Например, в 1850-х гг. в Гродненской тюрьме осужденные занимались изготовлением деревянной посуды, а в 1870-х гг. – распиловкой древесины, столярными работами, производством «арестантской» одежды и обуви и изготовлением перевязочного материала – корпии [10, с. 123, 218, 219]. В Минской тюрьме заключенные привлекались к изготовлению веревочных матов [11, с. 18].

Однако со второй половины XIX в. развитие труда заключенных в большинстве тюрем на белорусских землях прекратилось. Одной из причин этого являлась недостаточная для надзора за работами заключенных штатная численность тюремных надзирателей. В то же время управленческие полномочия в отношении осуществлявших охрану осужденных рядовых внутренней стражи как у начальников тюрем, так и у руководства комитетов «Общества» отсутствовали, а офицеры внутренней стражи не только отказывались привлекать рядовых к надзору за заключенными, но иногда даже препятствовали проведению внешних работ. Например, в апреле 1840 г. проверявший службу в Гродненской тюрьме командир местного войскового батальона после вывода заключенных смотрителем тюрьмы на внешние работы по заготовке дров для недопущения отвлечения служащих внутренней стражи от надзора за осужденными в тюрьме водворил заключенных обратно в камеры и запретил выводить их на работы [14, л. 30].

Со второй половины XIX в. на белорусских землях начали сокращаться даже объемы сельскохозяйственных работ, в связи с чем к концу 1870-х гг. администрация Минской тюрьмы была вынуждена сдать тюремный огород в аренду подрядчику, а из уездных мест лишения свободы Минской губернии осуществление сельскохозяйственных работ продолжалось лишь в Новогрудской и Слуцкой тюрьмах [11, с. 21; 15, л. 9, 33]. Кроме работ на тюремных огородах, внешние работы по уборке улиц, заготовке дров и переноске грузов осуществлялись только в Игуменской, Речицкой и Мозырской тюрьмах [15, л. 6, 13, 25].

Негативно влияла на развитие арестантских работ и низкая производительность труда заключенных. У большинства осужденных – представителей крестьянского сословия, отсутствовали профессиональные навыки, необходимые для работ в тюремных мастерских, а назначение им незначительных сроков тюремного заключения не позволяло осужденным научиться за время отбывания наказания каким-либо ремеслам. В то же время работа заключенных, не требующая особых навыков, практически не приносила прибыли.

С 1830 по 1867 г. суммы заработка осужденных всех тюрем Российской империи составляли от 6 611 до 17 356 руб. в год [9, с. 576]. Незначительными были и суммы заработанных осужденными средств на белорусских землях: в 1839 г. в Гродненской тюрьме осужденные зарабатывали всего 2 руб. 25 коп. в месяц [14, л. 21, 24]. Однако только на продовольственное обеспечение заключенных Витебского тюремного замка в 1833 г. было израсходовано 6 429 руб., а на питание заключенных Гродненской тюрьмы в 1858 г. – 8 000 руб. [16, л. 123; 10, с. 105]. Низкие заработки заключенных обусловили отсутствие их заинтересованности в результатах своего труда, что еще более снижало его производительность. Как отмечал правовед Н. Ф. Лучинский, в силу указанных обстоятельств «арестантам нельзя было поручить работы, требующие большого физического напряжения, усидчивости либо постоянного внимания» [17, с. 104].

Эти проблемы были актуальны и для региональных тюрем. Например, работы на тюремных огородах, принадлежавших Минской тюрьме, во второй половине XIX в. были прекращены из-за того, что «арестанты работали на них неаккуратно и крали овощи, что вводило комитет “Общества попечительного о тюрьмах” в убыток» [11, с. 19]. Организованные в тюрьме с 1837 г. работы по помолу ржаной муки на ручных мельницах также были прекращены в связи с тем, что «арестанты, тяготясь этой нелегкой работой, умышленно портили мельницы», которые администрация тюрьмы вынуждена была в 1852 г. продать [11, с. 19].

Попыткой организовать труд осужденных путем привлечения их в тюремных мастерских к работам, не требующим профессиональных навыков, стал проект установок в губернских тюрьмах т. н. «ступальных мельниц», распространенных к этому времени в странах Западной Европы и приводимых в движение мускульной силой (ногами) заключенных. К работам на мельницах могли одновременно привлекаться более 20 осужденных. Циркуляром от 11 декабря 1834 г. МВД предписало губернаторам «обеспечить устройство этих мельниц в подведомственных им тюрьмах», указав, что их использование их в Англии и Ирландии позволило снизить затраты на содержание заключенных более чем в два раза.

В циркуляре отмечалось, что «мельницы эти могли использоваться не только для помола муки, но и для валяния сукна, толчения крупы и дробления соли», а работы на мельницах «способствовали бы приведению к повиновению и покорности самых буйных и строптивых арестантов, большей частью не знающих мастерства» [18, л. 25]. В 1835 г. была предпринята попытка организации работ заключенных на ступальных мельницах в Гродненской и Витебской тюрьмах, для чего на местах были составлены соответствующие чертежи. Однако в 1838 г. в Гродненской тюрьме, а в 1839 г. — и в Витебской тюрьме строительство мельниц было прекращено в связи с отсутствием места для их установки, а также, как отмечалось в докладах смотрителей тюрем местным властям, «из-за «потребности для этого значительных издержек» и отсутствия денежных средств [10, с. 124; 6, л. 2].

Однако наиболее негативно на развитие «арестантских работ» со второй половины XIX в. повлиял рост численности в тюрьмах заключенных, обусловленный отменой крепостного права, определившей подсудность помещичьих крестьян государственным учреждениям, и определением «Уложением о наказаниях» 1845 г. приоритета назначения наказаний, связанных с лишением свободы. Переполненность тюрем на белорусских землях не позволяла размещать в них производственные мастерские, а денежных средств на постройку новых тюремных мастерских ни в государственной казне, ни в капиталах комитетов «Общества» не хватало. Например, в 1840-х г. на предписание гродненских властей «о занятии арестантов работами» четыре из шести уездных тюремных отделений «Общества» доложили, что «необходимыми для этого денежными средствами они не располагают» [14, л. 17].

К концу 1860-х гг. во всей Российской империи действовало всего 29 тюремных мастерских, организованных «Обществом», а в 1870-х гг., «отсутствие помещений для мастерских составило в тюрьмах почти повсеместное явление, и даже там, где в прежнее время существовали мастерские, их приходилось закрывать и обращаться в жилые помещения» [9, с. 576, 572; 5, с. 7].

Актуальной данная проблема являлась и для белорусских земель, в связи с

чем чиновники местных комитетов «Общества» сообщали властям, что «поскольку тюремные замки наполняются беспрестанно арестантами, возможности изыскать особых для работ комнат у них не имеется» и «за недостатком помещений дальнейшие попытки к заведению мастерских будут отложены до более удобного времени» [14, л. 21; 11, с. 22].

К началу тюремной реформы в Гродненской губернии мастерские продолжали действовать лишь в губернской тюрьме, где заключенные привлекались к распиловке древесины, а также к производству одежды и обуви для заключенных [10, с. 220]. В остальных тюрьмах Гродненской губернии осужденные привлекались лишь к хозяйственным работам для нужд тюрьмы: мытью полов, доставке воды, заготовке дров, починке «арестантской» одежды и обуви [10, с. 98].

В Минской губернии мастерские действовали лишь в трех тюрьмах, причем в Борисовской и Слуцкой тюрьмах заключенные занимались плетением лаптей, а также починкой деревянной посуды и мебели лишь для нужд тюрьмы, и только в Игуменской тюрьме осужденные изготавливали столярные и бондарные изделия на продажу [15, л. 11, 25, 33]. В большинстве же уездных тюрем заключенные не привлекались даже к выпечке хлеба, и местные власти «для прокормления арестантов» были вынуждены закупать его у подрядчиков, отмечая, что в уездных тюрьмах «арестанты никакими работами как не занимались, так и не занимаются» [14, л. 27].

Заключение

Таким образом, со второй четверти XIX в. создание системы мест лишения свободы на белорусских землях сопровождалось началом развития труда заключенных, организованного губернскими комитетами «Общества».

Во второй четверти XIX в. — 1870-х гг. пенитенциарным законодательством были регламентированы основы организации трудовой деятельности осужденных, началась организация деятельности тюремных мастерских, а также работ заключенных за пределами тюрем. Однако в связи с отсутствием в структуре управления тюрьмами органов, предназначенных для организации труда осужденных, недостаточным для привле-

чения заключенных к труду штатом тюремных надзирателей, отсутствием у начальников тюрем полномочий для привлечения военнослужащих внутренней стражи к надзору за трудом заключенных, отсутствием возможности открытия в переполненных местах лишения свободы производственных мастерских к концу 1870-х гг. в боль-

шинстве тюрем как на белорусских землях, так и в Российской империи в целом привлечение заключенных к труду прекратилось, что вызвало необходимость совершенствования организации труда осужденных и явилось одной из причин тюремной реформы 1879 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах : Высочайше утвержденный доклад министра Духовных дел и народного просвещения, 19 июля 1819 г., № 27895 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 36 : 1819. – С. 306–314.
2. О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей : мнение Гос. совета, 4 июля 1866 г., № 43458 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1868. – Т. 41, отд. 1. – С. 876–879.
3. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка и планы Витебского тюремного замка // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 2.
4. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1836 г. : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. – Т. 14 : Уставы благочиния. – 1325 с.
5. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1890. – 115 с.
6. Дело об использовании заключенных Витебской губернии на различных работах // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 7880.
7. Устав «Общества попечительного о тюрьмах» : Сенат. указ, 7 нояб. 1851 г., № 25725 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1852. – Т. 26, отд. 1. – С. 97–106.
8. Отчет Минского гражданского губернатора о состоянии губернии за 1832 г. // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 322.
9. Никитин, В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времен возникновения русской тюрьмы до наших дней (1560–1880 гг.) / В. Н. Никитин. – СПб. : Тип. г. Шпарварт, 1880. – 797 с.
10. Лисицын, В. М. За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын. – Гродно : Гродн. тип., 2003. – 352 с.
11. Мудров, М. А. Материалы, касающиеся деятельности Минского комитета попечительства о тюрьмах, со времени его существования / М. А. Мудров. – Минск : Губерн. вед., 1869. – 34 с.
12. Дело о привлечении заключенных к уборке городских улиц в 1843–1844 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 37. Оп. 1. Д. 118.
13. Описи дел, книг и планов Витебского тюремного замка // НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 1.
14. Дело об обеспечении работами заключенных губернии в 1838–1840 гг. // НИАБ в Гродно. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 17.
15. Дело о развитии арестантского труда в тюрьмах Минской губернии // НИАБ. – Ф. 29. Оп. 1. Д. 431.
16. Акты ревизий тюрем и больниц Витебской губернии чиновником особых поручений камер-юнкером Шишко // НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5287.
17. Лучинский, Н. Ф. Основы тюремного дела / Н. Ф. Лучинский. – СПб. : Изд-во журн. «Тюрем. вестн.», 1904. – 179 с.
18. Циркуляры МВД о введении принудительного труда в тюрьмах // НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 8542.

REFERENCES

1. Ob uchriezhdenii v Rossii Popiechitel'nogo obshchestva o tiur'makh : Vysochajshe utverzhdionnyj doklad ministra Dukhovnykh diel i narodnogo prosvieshchienija, 19 ijulia 1819 g., № 27895 // Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 36 : 1819. – S. 306–314.
2. O vriemiennykh pravilah kasatiel'no pomieshchenij dlja podviergajemykh ariestu po prigoram mirovykh sudiej : mnienije Gos. sovieta, 4 ijulia 1866 g., № 43458 // Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 2 : v 55 t. – SPb., 1868. – T. 41, ot. 1. – S. 876–879.
3. Instrukcija smotritieliu gubernskogo tiuriemnogo zamka i plany Vitiebskogo tiuriemnogo zamka // Nacional'nyj istorichieskij arkhiv Bilarusi (NIAB). – F. 2648. Op. 1. D. 2.
4. Svod zakonov Rossijskoj impierii, povielienijem Gosudaria Impieratora Nikolaja Piervogo sostavliennyj, izd. 1836 g. : v 15 t. – SPb. : Tip. Vtorogo Otdielienija Sobstviennoj J. I. V. Kancelarii, 1836. – T. 14 : Ustavy blagochinija. – 1325 s.
5. Obzor diesiatilietnej diejatiel'nosti Glavnogo tiuriemnogo upravlienija: 1879–1889 gg. – SPb. : Tip. M-va vnutr. diel, 1890. – 115 s.
6. Dielo ob ispol'zovanii zakliuchionnykh Vitiebskoj gubernii na razlichnykh rabotakh // NIAB. – F. 1430. Op. 1. D. 7880.
7. Ustav «Obshchestva popiechitel'nogo o tiur'makh» : Sienat. ukaz, 7 nojab. 1851 g., № 25725 // Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 2 : v 55 t. – SPb., 1852. – T. 26, ot. 1. – S. 97–106.
8. Otchiot Minskogo grazhdanskogo gubernatora o sostojanii gubernii za 1832 g. // NIAB. – F. 295. Op. 1. D. 322.
9. Nikitin, V. N. Tiur'ma i ssylka. Istorichieskoje, zakonodatiel'noje, administrativnoje i bytovoje polozhenije zakliuchionnykh, pieriesyl'nykh, ikh dietiej i osvobozhdionnykh iz-pod strazhi so vremion vzniknovienija russkoj tiur'my do nashikh dneij (1560–1880 gg.) / V. N. Nikitin. – SPb. : Tip. g. Shparvart, 1880. – 797 s.
10. Lisicyn, V. M. Za tiuriemnoj stienoj: istorija Grodnienskoj tiur'my (XIX vek – 1939) / V. M. Lisicyn. – Grodno : Grodn. tip., 2003. – 352 s.
11. Mudrov, M. A. Materialy, kasajushchiesia diejatiel'nosti Minskogo komiteta popiechitel'stva o tiur'makh, so vremieni jego sushchestvovaniija / M. A. Mudrov. – Minsk : Gubern. vied., 1869. – 34 s.
12. Dielo o privliechienii zakliuchionnykh k uborke gorodskikh ulic v 1843–1844 gg. // Nacional'nyj istorichieskij arkhiv Bielarusi v Grodno (NIAB v Grodno). – F. 37. Op. 1. D. 118.
13. Opisi diel, knig i planov Vitiebskogo tiuriemnogo zamka // NIAB. – F. 2648. Op. 1. D. 1.
14. Dielo ob obiespiechienii rabotami zakliuchionnykh gubernii v 1838–1840 gg. // NIAB v Grodno. – F. 37. Op. 1. D. 17.
15. Dielo o razvitii ariestantskogo truda v tiur'makh Minskoj gubernii // NIAB. – F. 29. Op. 1. D. 431.
16. Akty rievizij tiuriem i bol'nic Vitiebskoj gubernii chinovnikom osobykh poruchienij kamier-junkierom Shishko // NIAB. – F. 1297. Op. 1. D. 5287.
17. Luchinskij, N. F. Osnovy tiuriemnogo diela / N. F. Luchinskij. – SPb. : Izd-vo zhurn. «Tiuriem. viestn.», 1904. – 179 s.
18. Cirkuliary MVD o vviedienii prinuditel'nogo truda v tiur'makh // NIAB. – F. 1297. Op. 1. D. 8542.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.06.2022